

ВЕРА ПАВЛОВА ПРОВЕРОЧНОЕ СЛОВО

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПРОЗА

Вера Анатольевна Павлова
Проверочное слово
Серия «Поэзия»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64758851

Проверочное слово: Эксмо; М.; 2018

ISBN 978-5-04-095571-8

Аннотация

Новая книга Веры Павловой «Проверочное слово» включает стихотворения 2015–2018 годов о счастье, радости, которыми пропитана наша жизнь, несмотря на все потери, боль, утраты, неизбежные в жизни каждого, и прозу, написанную в эти годы. Как всегда честно и искренне о самом главном предназначении любого – о любви – от одного из лучших поэтов современности.

Содержание

По моему хотенью	7
Эстафета цветения	13
Повитуха стрекоз	20
Лесенка-чудесенка	28
Чер и Вяз	35
Жёлтый ключик	42
Парное катание	51
Канон косы	60
Я перезвоню	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вера Анатольевна Павлова

Проверочное слово

Коле

© Павлова В., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Она. Через О. Проверочное слово – он.
(Лиза Павлова, 1 класс «А»)*

*«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура.
(Богданович, «Душенька»)*

шлю тебе любимая
шлю тебе любимый
книгу голубиную
почтой голубиной
опыта летучего
хрупкие скорлупки
с надписью *голубчику*

от его голубки

Долгая разлука. Зима.
Штормовых небес бездорожье.
Имя в изголовье письма.
Ласковая кличка в изножье.
Дочитаю. Выключу свет.
И, умывшись влагой солёной,
вверю невесомый конверт
шестикрылому почтальону.

В главу Камасутры «Позы»
свой лепет вплету:
ангелы, как стрекозы,
любятся на лету,
и на земле прибывает
музыки и тишины.
Бесполы? Да кто ж их знает.
Но, боже мой, как нежны!

дольней лозы прозябанье
ангелов горний полёт
ласковое колыханье
околоплодных вод
тайна сия бездонна
грезит о гроздьях лоза

у акванавта лона
проклёвываются глаза

День рождения. Вот-вот
мёртвый лёд взорвёт река,
вод исход произойдёт,
семь потов сойдёт, пока
окровавленный живот
хладнокровная рука
аккуратно застегнёт
на пуговицу пупка.

По моему хотенью

Слово, слово, что там, в начале?

Раскладушка, на которой меня зачали
по пьяни, по неопытности, по распределению,
по любви, по кайфу, по моему хотенью.

В общежитии. В Норильске. Родители отправились туда сразу после свадьбы. Трудно придумать более неподходящее место для свадебного путешествия, более неудобное брачное ложе. Одна узкая раскладушка на двоих. Продавленный брезент. Ржавые скрипучие пружины.

Эпос, лирика, драма.

Если б могла узнать я,
кончила ли мама
в час моего зачатья,
от соседей в подушку
спрятала ль стон благодарный
в Норильске, на раскладушке,
брачной ночью полярной?

Однажды (мы сидели втроем на кухне и попивали кто что) я набралась смелости и задала им этот жизненно важный вопрос.

Папа, на посошок?
Мама, ещё чаю?
Вам было хорошо,
когда вы меня зачали
в царстве подземного льда,
в царстве полночного полдня?
Мама ответила: да.
Папа ответил: не помню.

Они жили в Норильске около года. Были очень счастливы. Счастливы, в Норильске? Я побывала там несколько лет назад. Несадящееся солнце освещало чёрные сугробы и ржавые железные деревья с лампочками вместо листьев. Больше никакой растительности там нет. Птиц тоже нет. Только люди могут там выжить. Но когда ветер дует со стороны фабрики, школы закрываются и жителям рекомендуется не выходить из домов. На этой фабрике и работали папа с мамой. Большая часть работников – эки. Один из них спас жизнь нам обеим. Мама шла с работы, поднялась снежная буря, мама сбилась с пути и уже теряла сознание, когда чья-то рука схватила её за воротник и впихнула в непонятно откуда взявшийся в этом снежном аду автобус.

Общежитие существует до сих пор. На улице Ленина. Я пошла взглянуть на него. Серый обшарпанный дом. Вот тут, подумала я, самая большая клетка женского тела встрети-лась с самой маленькой мужского, и пару секунд я состоя-

ла из двух клеток. Я посмотрела на часы. И поняла, что они остановились. Как вовремя, как пафосно кончилась батарейка, восхитилась я. Но всё оказалось ещё пафосней: через час, в гостинице, часы пошли опять. Идут до сих пор.

Вздых – и семя стало бременем.

Я была зачата летом.

Вечность – разница во времени
между тем и этим светом.

Штучку для завода вытяни,
стрелки переставь неловко.

Что у нас в порту прибытия?

Май. Измайлово. Хрущёвка.

Мама, мастер ОТК, ворочала раскалённые металлические
чурки до восьмого месяца беременности. Рожать полетела в
Москву.

Зачатая за полярным кругом,
выношенная полярной ночью
назло черным выюгам,
рвущим дыханье в клочья,
я родилась в столице,
не к славе ее вождедея,
но чтобы на свет появиться
там, где немного светлее.

Вот было бы хорошо родиться в самолёте! Хотя – нет, не

успела бы: мама промучилась со мной больше суток. «Девочка, – сказала акушерка, – И такая хорошая!» И дежурная регистратуры сказала папе, ошалевшему от круглосуточного патрулирования Двадцатого роддома: «Никольская? Родила. Живую девочку».

Где она, та раскладушка? Как можно спать на одной раскладушке вдвоём? К тому же с беременной женой? Мама говорит, что спалось им отлично. Я ей верю. Мне тоже лучше всего спалось на раскладушках. В палаточном лагере детства. В дачном домике молодости. В нынешних мечтах о покое.

спать на раскладушке
под открытым небом
под цветущей липой
под цветастым плодом
под раскрытой книгой
под крылом заката
под полкой у лета
под присмотром сада

Оглушительно светел,
ослепительно тих
майский солнечный вечер
в царстве лип золотых.
Зелен, жёлт, фиолетов
шёлк ресниц на просвет.

Детский хор первоцветов.
Книга. Велосипед.

Полновесная весна.
Сквозняком соблазнена,
ветреница-занавеска
выскользнула из окна.

коленные чашечки
ромашковый чай
ау сила тяжести
непуганый рай
симфония зрения
дыхания мёд
гадаю уверена
что *к сердцу прижмёт*

На холме, над синей пущей
беззаботно, безмятежно
под черёмухой цветущей
ели первую черешню.
Облака на неба склоне
оперное оперенье...
Покормить тебя с ладони
пятипалою сиренью?

простым карандашом
совсем простым
забор колодец дом
звезду над ним
простейшим проще нет
дым над трубой
в окошке желтый свет
хочу домой

Эстафета цветения

Зачатая в августе, я родилась в мае. В Измайлово. На улице Верхней Первомайской. И была отвезена в коляске на угол 13-й Парковой и Сиреневого бульвара. Сирень цвела. Помимо родины в пространстве есть у человека родина во времени. Моя родина – май.

Черёмухой вскипай,
склоняйся над коляской,
мой самый первый май
на Верхней Первомайской.
Глазей, моя весна,
кисейно-невесома,
на небо из окна
Двадцатого роддома.

Май в Москве – лучшее время, Москва в мае – лучшее место на свете. Эстафета цветения: черёмуха-сирень-липа-жасмин-клевер. Лучшие запахи на земле. Я плачу от них как от музыки. Есть ещё ландыши в Измайловском парке. Их запах даёт ясное представление о рае.

День рождения: белые гольфы вместо бежевых простых колготок, первый раз в этом году. Игра в классики с подругами. Отсвет заката в свежевывмытых открытых окнах.

Под окном – берёза. Она была посажена папой в честь

рождения моего брата Серёжи. В мою честь папа посадил рябину. Берёза и сейчас жива-здоровая, на голову переросла нашу пятиэтажку. Рябины уже нет. Она многое вынесла. Палисадник (заборчик, цветы, кустики плодово-ягодные) превратился в парковку, даже трава перестала расти, а она всё стояла, всё цвела. В год, когда неизлечимо заболел Стив, я заметила, что она двойная. Заметила потому, что одна её половинка засохла. В год смерти папы засохла и вторая. Теперь её выкорчевали. И следа не осталось. На папиной родине, в Вологодской области, был обычай: в день рождения ребёнка сажать столько деревьев, сколько нужно для постройки дома. Думал ли папа об этом, сажая мою рябину? Да и что из неё сделаешь, тоненькой такой? Её и на домовину не хватило бы.

Двор моего детства. Такой зелёный, что из окна не был виден дом напротив. Такой многодетный, что воскресенья не хватало, чтобы переиграть во все игры.

Коляску с ребёнком можно было спокойно оставить под окном. А вот велосипед – ни на одну минуту! До сих пор перед глазами: смотрю в окно кухни и вижу, как взрослый мужик садится на мой новенький подростковый дамский велосипед и не спеша уезжает. Два велосипеда угнали у меня в детстве. Две мои дочки выросли под окном. Где вы, мои велосипеды? Что осталось от моего двора?

Тенистый двор,
где до сих пор

сушат бельё под окнами,
восточный ковёр
на школьный забор
кидают и громоподобными
ударами оглашают Москву,
из форточек рвутся мелодии,
и я полвека соседей зову
Тётьнадей и Дядьволодею.

Тётьнадя, Тётьмаша, Тётьлюда живы, Дядьвали и Дядьволеди уже нет. Бельё под окном сушит только Тётьнадя. Ковры больше никто не выбивает. Исчезли лавочки у подъездов и детская площадка. Играющих детей не видно даже по воскресеньям. Зато стало очень много дворников. Они даже подрезают траву – там, где она ещё осталась. А черёмуха, сирень, липа, жасмин, клевер? Цветут.

Мой горе-город, благодарствую
за то, что детство не мертво,
пускай который год кадаврствую
в мертвецких твоего метро,
но вверх бегу по эскалатору,
но выхожу из-под земли
в Измайлово – и дух захватывает
от запаха цветущей ли —

Рифмованною прозой

в анналы занесу,
как я целуюсь с розой,
пью из неё росу,
рассвета мёд и млеко.
Цимбалами цикад
приветствуй пчеловека,
благоуханный сад!

Вести с полей – ромашки
в банке из-под огурцов.
Вышивка на рубашке.
Проездом в стране отцов
вечности современник
улыбчив, белоголов.
Незабудки, бессмертник —
благие вести с лугов.

Временные жители
комнатной страны,
громкоговорители
тишины,
рады, что налили им
воду, стоя спят.
Что им снится, лилиям?
Аромат.

Простояли ровно сутки —
зря я их сгубила, бедных! —
и завяли незабудки,
и осыпался бессмертник.
Угловатых, непутёвых,
вас жалею. Но не вы ли
виноваты, что садовых
мне милее полевые?

Солнечных и лунных зайчиков,
кто воспел их,
солнца жёлтых одуванчиков,
луны белых?
Выцветают — дай бог памяти! —
ласки, шутки.
Почему так быстро вянете,
незабудки?

Синий водоём.
Тёплая вода.
Как мы тут живём?
Раз и навсегда.
Липы. Тополя.
Птичье айлавью.
Только ты и я,
как тогда, в раю.

первоцветами пасха-весна
разверзает земли ложесна
и поляна озеленена
и вселенная населена
прорастут ли гробов семена
поцелуям даю имена
изучаю излучины сна
с лучезарными разлучена

Как река сверкает!
Как стрекочет луг!
Папа надувает
спасательный круг.
Утро в детстве раннем.
Вот так и живу —
папиным дыханьем
держась на плаву.

Не отвлекаясь, вспомни,
как это началось
там, где сплетаются корни
сосен, слов и волос,
снов и воспоминаний,
радостей и неудач?
Давнее лето. Дальний
берег. Уплывающий мяч.

смешливы плакучие ивы
улыбчивы рыбки в пруду
смородина яблоки сливы
в кроваво-зелёном саду
до косточек солнцем прогреты
и с каждым летом ясней
что там у истоков Леты
и ягодней и грибней

исцарапанных ног
хрупкие тростинки
из ромашек венки
бусы из кувшинки
лес река нагота
с бронзовым отливом
это я
а не та
в зеркале глумливом

Повитуха стрекоз

Мне пять лет. Я стою в резиновых сапогах на берегу Москвы-реки и наблюдаю за личинками стрекоз. Они сидят на камышах как приклеенные, похожие на маленькие черепа. Жду. Ничего не происходит. Вижу: один из черепов даёт трещину. Беру личинку, осторожно расширяю трещину, расшелушиваю, снимаю скорлупки. У меня на ладони оказывается мятый, мокрый, жалкий стрекозлёнок. Дую на него. Подставляю солнцу на просушку. Расправляю ему крылышки. Жду. Крылышки распрямляются, дрожат, дёргаются, и мой стрекозлёнок неуверенно и криво улетает. Повитуха стрекоз, я счастлива и горда. До сих пор.

«Дайте Тютчеву стрекóзу»? Нет, Осип Эмильевич, дайте её мне! Хотя – уже дали. Неведомая читательница попросила почтовый адрес: «У меня есть кое-что, я увидела это в магазине и поняла, что не могу не подарить это вам». Вскоре пришла посылка: серебряная стрекоза с янтарными крыльями. Ношу как орден.

Ласточки. Ворóны. Коршуны.
Родниковый синий воздух.
Не прополото. Не кошено.
В лопухах великорослых
кораблекрушение трактора.

И сидят немного косо
шлемы первых авиаторов
на коричневых стрекозах.

Таких, коричневых, мы называли в детстве пиратами. Научных имён мы не знали. Ни одного для ста пятидесяти видов, обитающих в России. Немудрено: они в основном латинские. Всего несколько русских. Зато каких! *Блестящая красотка. Красотка-девушка. Стрелка красивая. Дозорищик-император* – не наш ли пират? Или наш пират – *кордулегастер кольчатый*?

обгорелой кожи катышки
у соска засос москита
одеянье Евы-матушки
словно на меня пошито
муравей залезет на спину
стрекоза на копчик сядет
запасаю лето на зиму
знаю всё равно не хватит

Как я люблю стрекоз! И они платят мне взаимностью. Стоит летом лечь в траву, сразу слетаются, садятся на голое плечо, на страницу блокнота, на кончик шариковой ручки, выводящей в блокноте:

Обонянию – медоносы,
осязанию – травы.

Любодействуют стрекозы
на груди – на правой.
Не раздета – не одета,
Афродита, Ева,
я – твоя должница, лето.
О – уже на левой.

Лежу у реки, подглядываю, как любятся стрекозы. Они любятся в полете, так самозабвенно, что падают в реку. Их крылья намокают, тяжелеют. Ромео и Джульетта, думаю я. Но тут стрекозёл, использовав свою подружку как взлётную площадку, отталкивается от неё и улетает. А она (красотка-девушка?), еще с минуту поборовшись, затихает и отдаётся течению. Ещё о стрекозлах, из Википедии: «Вторичный копулятивный аппарат самцов высоко специализирован и не имеет аналогов среди насекомых – удаляет сперму предшественника перед тем, как оставить собственную». Как я не люблю стрекозлов! Нет, всё равно люблю.

Где они, стрекозы, которым я помогла родиться? В раю, конечно! Там, где рыбачат дедушка, Стивушка и папа, читает книжку Миша, хлопочет по хозяйству бабушка и бегают с сачком моя младшая сестра, так и не научившаяся ходить.

Земляничными тропинками
отведи меня туда,
где на семь персон кувшинками
сервирован стол пруда.

Там стрекозы и подлещики,
там – спасибо, добрый сон! —
навсегда живые, плещутся
шесть возлюбленных персон.

В лубочные времена,
в начале книжного поприща
Адам давал имена,
а Ева – нежные прозвища.
Ему – ветвление корней,
могучих, крепких, решительных.
Цветенье суффиксов – ей.
Ласкательных. Уменьшительных.

Жили в раю, зная —
не избежать изгнания.
Не избежали. Знаем,
что называть раем,
что вспоминать с улыбкой,
залюбовавшись ошибкой,
детский дневник листая,
яблоко доедая.

проповедую птицам
они смеются
проповедую рыбам

они плачут
ивам озеру бабочкам
рукоплещут
облакам проповедую
благоухают

тьмою обведено
птицами залатано
золотое руно
облака закатного
колокольный покой
заслужила чем его
право жить под полрой
света невечернего

В царстве кукушек, стрекоз,
ив, приключенческих книг
самозабвенно, взасос
в губы целую родник.
Свеж поцелуй родника,
неженки, говоруна,
и отражает река
небо до самого дна.

Брызгаясь, барахтаясь
на речной мели,

землянике кланаясь
в пояс, до земли,
с точки зренья клевера
глядя на звезду,
до высокомерия
я не снизойду.

Полистаем лесопись,
почитаем лугопись,
расшифруем рекопись —
лягушачью кругопись,
прибрежную глинопись,
облаков каракули...
Наконец-то вырвались.
Целый день не плакали.

Мёртвым – корни, вечным – кроны,
мне – берёзовый лесок,
синий ветер, шум зелёный,
белый свет, прозрачный сок,
грамотность берестяная,
шёлковых стволов штрихкод,
черновой набросок рая,
горстка букв, щепотка нот.

Там лес и дом, и курочки рябые,

там золото вечернего крыльца,
там голуби жемчужно-голубые
прогули-гули-гуливаются,
там остаётся непочатой книга,
там на границе памяти и сна
у дедушки и бабушки черника
растёт в ногах. А в головах – сосна.

сосны органные
над вечерней рекой
песни гортанные
на скамье жестяной
лёгкого ялика
колыбельный покой
с долькой райского яблока
за щекой

Унизительная бедность,
ты – воздушное плавсредство?
Унаследовав бесследность,
приумножили наследство
дед Матвей и баба Аня
(смутно помню только деда),
он – гребя, она – табаня
по течению, против света.

Чудо, чудо, чудо!
Смастерила сына
удалому уду
храбрая вагина.
Куплен крестик медный
маленькому принцу
ставшими бессмертней
лет на двадцать-тридцать.

Пыльца – тычинок песенка,
дыхание цветка.
Верёвочная лесенка
цепочки ДНК
с балкона опускается.
Соавтор серенад,
садовник улыбается.
Благоухает сад.

Лесенка-чудесенка

На четверть еврейка,
на половину музыкантша,
на три четверти – твоя половина,
на все сто – кто?

Этот стишок я написала полжизни назад. Жизнь внесла свои коррективы: любимая подруга подарила мне тест ДНК на этнический состав. Имя подруги – Ева. Символичней некуда, правда? Я провела одной ватной палочкой по внутренней стороне левой щеки, второй – по внутренней стороне правой, запечатала образцы в конверт и отнесла на почту. Ожидание ответа длилось два месяца.

Вижу, как в кино: человек в белом халате склонился над микроскопом... Крупно: винтовая лесенка ДНК. Дезоксирибонуклеиновая кислота. Хорошее упражнение для развития дикции. Четыре буквы – А, С, G, Т. Из них и слова-то толком не сложить. А вот ведь – весь мир ими написан. В каждой моей клетке вьётся эта верёвочная лесенка. Как, ну как вместить это знание?

Нет, мне тело не мало – велико.
Мне до тела моего далеко.
Тело, тело, как ты терпишь меня?

Все, что сделано, такая фигня
по сравнению с расщеплением белка,
по сравнению с ХТК ДНК!

Кто сбросил мне эту верёвочную лесенку? Праматерь Ева. Кто по ней миллионы лет карабкался? Сейчас узнаем: человек в белом халате прислал мне результаты теста.

48 % – восточные европейцы (братья-славяне), 20 % – евреи-ашкенази (ну и что теперь делать со старым стишком, который ошибся на целых 5 процентов?), 14 % – финны (оповестила об этом подругу-финку, и она тотчас ответила мне по-фински, поздравила, наверное), 12 % – прибалты, 4 % – балканцы, 1 %, сразу ставший моим любимым и вызвавший наибольший патриотизм, – нигерийцы. Я люблю тебя, мой прапрапрапрапрапрадедушка, скачущий в набедренной повязке с бубном вокруг костра!

Помимо рецепта коктейля в письме был список моих возможных трёх-пятиюродных братьев и сестёр. Две с половиной тысячи имён. Это только среди людей, уже поцеловавшихся с ватной палочкой! Имя, открывавшее список, заставило присвистнуть: Филипп Рот. Тот самый Рот? Письмо сообщало примерный возраст кузена и имя жены – Клер. И то и другое подходило. Тут бы и начать гордиться родством. Но я решила всё-таки написать кузену (программа даёт адреса новообретённых родственников). Кузен ответил: «Да, я писатель, правда, пожиже автора «Портного», – пишу книги по

менеджменту. Но письма и звонки Тому Самому Роту получаю частенько». Рот да не тот! А я уже начала читать «По наследству» Того Самого Рота. И такое почувствовала родство! Видимо, не всё известно людям в белых халатах. Видимо, цепочки букв, которые пишем мы, тоже обладают способностью свиваться в лесенки.

Ты филолог, я логофил.
Мне страшна твоя потебня.
Можешь по составу чернил
воскресить из мертвых меня?
Для чего в тетради простой
прописи выводит рука,
если из любой запятой
не выводится ДНК?

И если выводится, то воскресят ли эти прописи моего добродушного вологодского папу (ведь это за его спиной стоят мои финны и прибалты?), мою мудрую еврейскую бабушку (балканцы и нигерийцы, вы ведь достались мне от неё?), моего кроткого дедушку (сибиряка, с кем там было смешиваться священникам-миссионерам?)? Передадут ли по цепочке детям и внукам что-то, делающее человека человеком? Как бы то ни было, ради этого в конечном счёте истекают чернилами мои ручки. Потому что, как говорил ИБ, главное – величие замысла.

Аполлон с топором – это папа. Мой папа красивый.
И ложится костями сухостой перед папиной силой.
В два объёма моих, а повален в крапиву, распилен,
отвесен на плече и расколот красивым и сильным.
Отче тридцатилетний, поджарый, пружинистый,
летний!..

Что история? В тусклую бронзу отлитая сплетня.
Дровосек белозубый беззлобно ругает генсека.
Я похожа на папу, на бронзового дровосека
заостренностью черт и неженскою плеч широтою.
Я берусь за топор, выясняю, чего же я стою —
разлетаются, пахнут арбузом хрустящие щепки...
Будем жить, Анатолевна!
Род наш незнатный, но цепкий.

Наловил плотвы, окуньков,
зачерпнул котелком для ухи
воду из их реки.
Нарвала прибрежных цветов,
набрала в бутылку для них
воду из их реки.
Сидели возле костра.
Нахваливали уху.
Купались в ночной реке.
Беседовали до утра,
где трудней умирать —
на родине? Вдалеке?

Апостол муравьёв,
пятнистый бог коровок,
даждь им хороший клёв!
Худ, возбуждён, неловок
трёхлетний рыболов.
Семидесятилетний
горд парой окуньков
рыбалки предпоследней.

в ногу со временем
пульс
шестьдесят ударов в минуту
у постояльца больницы
спящего безмятежно
в коме
девятый день

За время комы у папы выросла борода.
Густая, чёрная, мягкая борода.
Я никогда не видела папу с бородой.
Папа никогда в жизни не носил бороды.
Я сказала: тебе к лицу борода.
Я сказала: так и ходи – с бородой.
Я целовала осунувшееся лицо.
В реанимацию посетителей не пускают,
но мне повезло.

В морге попросили привезти бритвенный прибор.
Мама так и не узнала, как идёт
тебе борода.

Молодые люди с цветами
поздним вечером: свиданье.
Пожилые люди с цветами
ранним утром: прощанье.
Морг. Больничные морги,
как правило, одноэтажны.
Кучка людей с цветами
делится на три группы:
на тех, кого не знаю,
и тех, кого не узнаю.
Папа в гробу относится
к первой и второй группам.
Третья группа – мама.

Храм у дороги.
Лица и лики.
Впалые щёки
чтицы и книги.
Слёзные слизи
вниз по странице.
Хватит ли жизни
с жизнью проститься?

Дядя – плавать, дедушка – стоять
на коньках. А папа научил
равновесие держать и жать
на педали, не жалея сил.

Я с тобой, не бойся! И держал
руль одной, седло другой рукой,
отпускал, не отставал, бежал
рядом. *Со святыми упокой.*

Чер и Вяк

Я не только жена рыбака (увы, вдова). Я ещё и дочь рыбака (увы, сирота). И внучка (и дедушки тоже нет. Обоих дедушек – оба были заядлыми рыбаками).

Дети – инопланетяне.

Внуки – земляки.

Дед и внучка, дружно тянем
рыбку из реки.

Щука. Крупная. У рыбки
зубки – будь здоров!

А у нас на две улыбки —
дюжина зубов.

Рыбалка была главной радостью их жизни. «Одна, но пламенная страсть», – ехидничала бабушка. Мне как-то приснилось: папа выпустил книгу. Она называлась «Записки счастливого человека». В ней было несколько сот страниц. На каждой было крупно набрано (во сне я всю её прочитала, от корки до корки): «Ушёл на рыбалку. Целую, Толя».

Я любила ходить с ними. Моей обязанностью было копать червей.

Лопата.

Брег. Рыбак.

Два брата:
Чер и Вяз.

Я копала червей дедушке и папе. Стиву мы червей покупали. В Америке – на бензоколонках, 5 долларов коробка. В Европе – в рыбацких магазинах, 8 евро коробка. Но лучшие черви – самые живучие, самые аппетитные – покупались за рубли. Одной коробке особенно повезло: её обитатели проделали вояж в Швейцарию (некоторые остались там, на берегу Женевского озера), оттуда – в Италию (другим приглянулась горная речка в Домодоссоло), далее – в Ниццу (там особенно плохо клевало). Но кое-кто вернулся в Москву. Мы выпустили их в саду за домом. Им было что рассказать землякам. (Детское стихотворение: «Потому что червяки Все на свете земляки».) Что касается рыбака, то ему нечем было особенно похвастаться. Но, как говорил папа, «главное – процесс!».

Отечество – могила отца
на берегу заросшей реки.
На манку, на червя, на живца.
Запутавшиеся поплавки
в кувшинках. Не клюёт? Ни хрена.
Но главное, конечно, процесс.
Выцветшие цветы. Имена.
Замёрзшая река. Синий лес.

Папа похоронен на берегу Лопасни, недалеко от места, где он обычно рыбачил. Стив – на берегу Гудзона. Стив пытался ловить рыбу в Гудзоне. И поймал-таки какую-то непонятную тварь, которая сказала ему человеческим голосом что-то вроде Кря-кря или Кар-кар. Он её тут же с перепугу выпустил. Ничего не попросил. Дурачина ты, простофиля!

Дайте мне словечко,
я его замолвлю
за гнилую речку,
за худую кровлю
дóма, пепелище
бани, остов храма,
сельское кладбище:
Папа, рядом уже оплачено место для мамы.

лето река
ромашковый луг
всё так же как было
вместо венка
спасательный круг
кладу на могилу
детский такой
ты мне надувал
уча меня плавать
млечный покой
выцветший овал

заросшая заводь

радуясь дальноркости
интересуясь далями
вглядываясь в подробности
и любясь деталями
колокольчиком синеньким
заводью с водомерками
вижу папу со спиннингом
на том берегу зеркала

Подснежники, лютики, ландыши,
иссиня-зелёная сныть.
Какое красивое кладбище!
Я тут хотела бы жить:
купаться в лучах западных,
весенним дождём дышать,
венками из талых запахов
могилу свою украшать.

Клёны, ели, ильмы,
заросли былья,
на плите могильной
надпись ЗДЕСЬ БЫЛ Я,
сделанная мелом,
смытая дождём.

Белена. Омела.
Постоим. Пойдём.

угомонись
без слёз смотри на свет
мечты сбылись
воспоминанья нет
слова дела
потери обрете
Я ЗДЕСЬ БЫЛА
на гробовой плите

солнца концерты сольные
все первоцветы в подарок
вод переводы вольные
ив облаков байдарок
почки свечками божьими
день колокольно погожий
вот до чего мы дожили
вот до чего ты не дожил

меру земли по росту
выделил землемер
видеть дневные звёзды
слышать музыку сфер
заколотили ящик

и опустили в ров
гладить по векам спящих
нюхать розу ветров

Белым и жёлтым, зелёным и алым,
мёртвые спят под одним одеялом,
серым, коричневым, белым, зелёным,
снегом, цветами, травой утеплённым,
ливнями стёганным, густо расшитым
тенью вершков, корешков алфавитом,
кружевом ржавым литого металла...
Кое-кого я сама укрывала.

похорон высокогорье
плачущий иконостас
несгораемое горе
согревающее нас
раздувает ночь созвездья
посадочные огни
я не бойся посмертия
мы не будем там одни

Папа не умер, нет —
уехал в командировку,
в Монголию, в Эрдэнэт:
пьёт молочную водку,

работает, как заводной.
Пытался, не дозвонился.
Здоров. А писать домой
он и при жизни ленился.

Даты полустёртые
выпали из памяти.
Намекните, мёртвые:
вы по нам скучаете?
Сквозняком по комнате
прошуршите крыльями,
плачущим напомните,
как любимы были мы.

Суше, подробней,
точней опиши
внутриутробный
период души —
до букваря,
до решенья взрослеть,
до заблужденья,
что в жизни есть смерть.

Жёлтый ключик

Учебники заплечные.
Наперсный ключ. Иди
по зимнему, по млечному,
по скользкому пути.
Потёмки непроглядные.
На кухнях жёлтый свет.
Тетрадки аккуратные.
Неправильный ответ.

Американские читатели в недоумении: маленькая девочка одна идёт в школу? Да ещё с ключом на шее? А киднеппинг? А квартирные воры? Ясно же: если ребёнку повесили на шею ключ, он будет открывать им пустую квартиру.

О детский страх потери,
с которым первоклашка
на ленте ключ нательный
под платьем, под рубашкой
нащупывает: вот он,
и к сердцу прижимает,
потому что папа с мамой ушли на работу.
Вернутся ли? Кто знает.

Ключ от квартиры, где деньги лежат. Где лежат? В дере-

вянной шкатулке в тумбочке под телевизором. Семейный общак. Сколько? Никто не считал. Едва ли много. Но если возьмёшь рубль-другой на мороженое, никто не заметит. Однако наша маленькая девочка знает: возьмёшь – отсохнет рука. Откуда знает? Никто ей этого не говорил. Сама как-то догадалась.

Ученице,
груба и горяча,
трёт ключицы
цепочка от ключа.
Время оно...
Душа моя, держи
ключ от дома,
в котором ни души.

Родители на работе. Но куда подевалась бабушка? Ключ-то её – вот, на гвоздике. Вырываю из тетради листок, пишу красивым почерком отличницы: *бабушка, ключ под ковриком*, прикрепляю записку к ручке двери, кладу ключ под коврик, со спокойным сердцем иду в музыкальную школу. Теперь бабушка не пропадёт.

Ключ. В детстве он означает: обед на плите, делай уроки, прислушивайся к шагам на лестнице, вернёмся около семи. В непутёвой молодости он означает: есть, где побыть вместе подзаборным влюблённым. В молодости родители почему-то всегда дома. Приходится брать ключ у подруги. Или у

друга. Или – память, ты не шутишь? – у любовника. «Прости, я тебя разлюбила и полюбила М. Ты не можешь дать мне ключ, пока ты будешь на работе?» И знаете, что самое интересное? Он дал мне ключ. Почему? Настолько меня не любил? Или настолько любил? Не знаю. Да и кто в молодости может во всём этом сладком ужасе разобраться?

Иное дело человек поживший, потерявший с дюжину ключей, сменивший с дюжину замков. Для него ключ означает: давай жить вместе. Когда я первый раз прилетела к тебе, ты уже сделал для меня копию ключа.

Путь навстречу происходит между встречами.

Обучение сердечное заочно.

Жёлтый ключик, разноцветным лаком меченый,
ты соскучился по скважине замочной?

Открывается легко: одно движение —
и воздастся благоверному по вере.

Ключ в замке. А мы, дрожащие, блаженные,
как подростки, обнимаемся у двери.

Обручальное кольцо – это кольцо, на которое я повесила твой ключ. Рядом с тем, нательным, от родного дома, и ещё одним – от дома, где меня ждёт только *возлюбленная тень*.

Мечтательно, как поддужный колокольчик, звенят ключи в кармане бродяги. Главное, вспомнить, каким именно открывается дверь, перед которой стоишь. Впрочем, я не заслуживаю высокий титул бродяги, как заслуживают его мои

друзья Оля и Олег, адресаты стишка:

Потом решим где осесть.
Вместителен белый свет,
когда магнители есть,
а холодильника нет.
Вещей – один чемодан.
Сумка. Фотоаппарат.
А много на свете стран?
Всего-то двести пятьдесят
одна.

«Магнители магнитиками, – сказала на это Оля, – у меня есть для тебя образ посильнее: в моей сумке сейчас нет ни одного ключа».

Мне как-то подарили украшение – серебряный ключик на цепочке. Я хочу найти такой же для Оли. Нельзя, чтобы у человека не было ключа!

Брат, собрат, собратец
по пуху и перу,
вот и собран ранец.
Я тоже не умру
вся. На честном слове
продержится душа,
от покоя, воли
и нежности дрожа.

Любимый поэт? Корней Чуковский.
Любимый прозаик? Анна Франк.
С улыбкой детской, слезой стариковской
обложки глажу. Любви бумеранг
с гнезда поднимает ангелов стаю.
Закрыв глаза, не включая свет,
вслепую милые книги листаю.
Не важно, что у меня их нет
под рукой.

Закадровый смех жестяной.
Закадровый плач – музыка.
Попой, порисуй со мной,
Мария Чуковская. Мурочка.
Как детский гробик, легка
печаль. Посмотри: переделкинцы
зарыли два башмачка —
и выросло чудо-деревце.

Чувствую взгляды вслед.
Спинку держу прямо.
Дамский велосипед.
Стало быть, я – дама.
Круг. Ещё один круг.
Куколка. Нефертити.
Вот, могу и без рук.

И вы свои уберите.

За ручку на премьеру привели
в парадном платье. Усадили. Недо —
стаёт ботиночками до земли,
но белым бантом достаёт до неба.
Большие, не смотрите свысока.
Всему найдётся место в сердце детском.
Я ей пообещала хомяка,
когда она заплакала о Ленском.

Понимало пони мало.
Я не больше понимала.
Было нам в году лохматом
лет двенадцать вместе взятым.
Я на нём. Оно по кругу.
Мы не нравились друг другу.

Девочка-весна,
беженка из ада.
Зелень роц нежна
даже возле МКАДа.
Двух миров связной,
умница, гулёна,
в классики со мной
будешь, Персефона?

Было темно и холодно.
Несколько лет не редели
возраста переходного
непроходимые дебри.
Мама, такую уродину
замуж и чёрт не выдаст!
Коротко. Жмёт. Расходится.
А покупалось на вырост.

Легенды – сплетни века.
Мифы – сплетни веков.
Отстаньте от человека!
Его уют местечков,
его растрёпаны космы,
ему неважно спалось,
его надышанный космос —
первый в списке на снос.

То кидают друг в друга камешки,
то цепляют друг другу звёзды
лилипутище и великанишко,
существа одного роста.
Повторенье – не мать, а мачеха.
Память дев не бывает крепкой.
И опять влюбляешься в мальчика

от горшка два вершка с кепкой.

У свекрови взор коровий
и овечий кругозор.
Мы не нравимся свекрови.
Мы – отечества позор.
Ей – солить капусту в ванне,
в душу лезть, в карман, в кровать,
нам – кланяться мариванне,
сучку мамой называть.

выстрелил в небо
попал в ангела
выстрелил в землю
попал в мёртвого
выстрелил в толпу
попал
в одного из нас

Кто победит —
слон или кит?
Кит или слон —
кто побеждён?
Спит под водой
слон удалой,
доблестный кит

в зарослях спит.

Облепил стволы.
Все деревья в берёзы
превращает снег,
любое законье —
в Родину, в СССР.

Из Бутова с любовью.
Дома, дома, дома́.
Встречает снегом-солью
московская зима.
Ты, ностальгия? Вот ты
какая! – Снежный прах,
белёвые разводы
на новых, чёрных, парадных, дорогих
американских сапогах.

Парное катание

Хочу кататься с вами на коньках,
в особенности если на коньках
вы сроду не катались, я же сроду
каталась, но из пропасти народу
ни с кем так не хотела на коньках,
как — с вами...

Я — бомж: место моего жительства неопределённо. В моём кармане бренчит связка ключей от квартир в трёх разных городах трёх разных стран (на брелке — пальма и название четвёртой). Эти страны, эти квартиры и правда очень разные. Но в каждой есть две вещи, без которых моя жизнь остановилась бы: у меня три пианино и три пары коньков. В Москве коньки чёрные, в Нью-Йорке и Торонто — белые. Белые фигурные коньки: высокий чёрный каблучок, узкая щиколотка, золотые крючочки для шнурков. Я не знаю обуви прекрасней. На таких коньках пролетело моё детство.

Вот уже тридцать лет под землёй
троечник с минусом, вертопрах —
мальчик, который бегал за мной
на лыжах, роликах и коньках,
даже однажды ногу сломал,

думала, шутит, но нет, всерьёз,
и старший брат, хоккеист-амбал,
его с катка на руках унёс.

Меня усадили за пианино и поставили на коньки в пять лет. Мне до сих пор кажется, что в этих занятиях есть что-то общее. И оба теснейшим образом связаны с любовью. Любимый – это тот, кто с тобой музицирует и, коленопреклонённый, зашнуровывает тебе коньки.

Мы выросли наперегонки.
Мы на время бегали по кругу.
Мальчик, шнуровавший мне коньки
(переделай, это слишком туго!),
первым откатал свои круги.
Врали про плеврит. Нет, политура.
...и так накатаешься,
что, придя, не можешь снять коньки —
сядешь на пол и сидишь, как дура.

Моё катание не очень фигурно. Ласточка, подсечка, пи-
столетик, низенький перекидной мостик – вот и всё, чему
меня, пятилетнюю, научил тренер. Но что может быть луч-
ше, чем смотреть фигурное катание по телевизору? Согла-
шусь: самые красивые руки – у балерин. Но самые красивые
ноги – у фигуристок (спортивные танцы).

Немного музыки и льда,

немного солнца и надежды...

Лёд – это спящая вода,
которой снятся конькобежцы.

Они бегут, в руке рука,
они забыли все печали,
за десять лет они пока
ещё ни разу не упали.

А написала этот стишок – и тут же упали. Так что – один раз. За всю тринадцатилетнюю жизнь со Стивом.

Движенья неуклюжи, куртки яркие,
смешная красота, веселый страх,
субботний день, каток в Центральном Парке,
американцы на тупых коньках.

И я по кругу семеню со всеми,
то по, то против стрелки часовой,
сбивая с ног, сбивая с толку время.

Ой!

Мы со Стивом ходили на каток сотни раз. Летали по кругу. И вместе с нами летали клерки (руки в карманах, пиджаки расстёгнуты, галстуки развеваются), еврейские девушки в длинных юбках, группа монашек при полном чёрно-белом пингвиньем параде, однажды – свадьба в полном составе (тулупчик поверх белого многоярусного платья, шапочка поверх фаты, жених почти не умеет кататься). Завсегдатаев мы знали в лицо. А они – нас. И никто из них не подозревал,

что последние три года в кармане спортивной куртки Стива частенько пряталась пластмассовая бутылочка с трубочкой, через которую в его вену по капле сочилась химиотерапия. Стив очень хорошо катался. Стив с юности занимался конькобежным спортом. Бегал на «ножах». Но даже на коньках убежать от неизбежного не удалось.

Осень. Сумерки. Старица.
Первый лёд.
Правый конёк болтается,
левый жмёт.
Тут цвели в изобилии
в оны дни
лиловатые лилии.
Где они?
Снег, без спешки, вразвалочку...
Неказист,
сделал первую ласточку
фигурист.

Балуя друг друга, балуя,
поровну делили с тобою
птичье молоко поцелуя,
голубиное, голубое,
в упоении желторотом,
в сонном царстве тринадцатом.
Кто стреляет за поворотом

из зениток по голубятам?

Мёрзну по Цельсию.
Греюсь по Фаренгейту.
Родина целится
из-за угла. Уеду
с лёгонькой лирою
и – Россия, рассейся! —
эвакуирую
милых в ковчеге сердца.

звёздное небо
заслонить человеку
не может толпа

О свободе: свобода заключается
в отсутствии необходимости врать,
даже самым любимым.
О равенстве: равенство существует
только среди тех,
кому нет равных.
О братстве: у меня есть брат
Сергей Анатольевич Десятов
и очень много кузенов.

Выстиран воздух, асфальт разутюжен
и отпарены листья.

Окна открыты. Садимся за ужин.

«Вести»: кровопролитье.

Льёт – послесловием ливня – с карниза.

Капли украсили ветки.

Любимый, выключи телевизор.

Выдерни шнур из розетки.

Выверну карманы: где ты, бывшего
след? Монетка. Пригоршня трухи.

Энциклопедически забывчива,

помню только вас, мои стихи,

только вы составите, разбавите

ключевой водой (прощай, склероз!)

порошок для улучшения памяти —

на щеках сухой остаток слёз.

В здоровом уме и твёрдой памяти

сим подтверждаю, что без памяти

люблю (кого?) безумно я.

Число (какое?). Подпись (чья?).

Ухаживал в полноги.

Ласкал спустя рукава.

Дарил тычки, тумачи

и матерные слова.
Кривился: втяни живот.
Довольно быстро кончал.
Не провожал на аборт.
Тем более, не встречал.

девушек стада
юбки на просвет
эту ты бы да
эту ты бы нет
млечная спина
персиковый шёлк
бабника жена
в бабах знаю толк

кончал без единого стога
крепко стиснув зубы
ни словом себя не выдав
как партизан под пыткой
только смотрел сурово
презрительно и устало
так и осталось тайной
любил ли меня любимый

Память – редкое сито,
расшатанный причал.

Слово в слово забыто,
как надсадно молчал
ты, как в паузе вязкой
застревало словцо,
как посмертной маской
застывало лицо.

Можно ли быть умнее?
Нашла себе дурака,
сизу у него на шее,
смотрю на него свысока,
внимаю брезгливо, хмуро
его бу-бу-бу, жу-жу-жу
и думаю: вот я дура!
И суженого душу.

Бурные воды
сомнений, страхов, потерь.
Остров свободы —
супружеская постель.
Пой, голубица,
вейся, отбеленный флаг!
Есть, где укрыться
от супружеских драк.

Изжога страсти. Нежности грыжа.

Влюблённости хромающий пульс.
Любимый, я тебя ненавижу.
Не вижу. Вижу. Не нагляжусь.

Ненавидеть, гнать, держать,
обивать пороги боли,
виртуозно наступать
на любимые мозоли,
пока не научит смерть
привередливую, злую
на любимого смотреть
с точки зренья поцелуя.

Канон косы

Мне было двенадцать, когда мама, которой надоело моё нытьё, отвела меня в парикмахерскую под гордой вывеской «Салон». Парикмахер взял ножницы побольше... Чик! И в его руке осталась моя коса. Длинная. Растрёпанная. С вплетённой коричневой лентой и неаккуратным бантом. Так, вместе с лентой, её и положили в пакет, а его в ящик письменного стола, где она лежала какое-то время, мёртвая, страшная, а потом исчезла. Куда? Наверное, туда же, куда исчезают молочные зубы, положенные на вечное хранение в спичечные коробки.

Трёхголосная fuga: коса.
Волос долог. *Ars longa. A vita?*
О, как туго плету голоса!
Расплету – будут мелко завиты.
Расплету, распушу по плечам,
простынёю спелёнута косо,
парикмахерам палачам
отдавая девичьи косы.

Причёска называлась сэссон и очень мне шла. Старшеклассник Костя Клёпов, до этого не обращавший на меня никакого внимания, сказал: «Ты стала другим человеком». Он был прав: я стала писателем. Писателем дневника. Потеря

косы так потрясла меня, что я открыла большую бухгалтерскую «Книгу учёта» и вывела на первой странице: «9 марта. Сегодня я подстриглась. В классе все решили стричься под меня». И пошло!.. Четыре Книги Учёта, несколько клеёнчатых толстых тетрадей, еженедельники, один другого красивее, сначала из кожзаменителя, а потом из натуральной кожи. Две дюжины моих дневников. Так и оставшихся книгами учёта. Чего: отрезанных кос? Выпавших волос?

Скрипичным ключом
свернулся на дне ванны
выпавший волос.

Тот же «Салон». Мне восемнадцать, и я выхожу замуж. Волосы снова отросли до пояса. Парикмахер священнодействует, и через час на моей голове высится то ли шапка Мономаха, то ли собор Василия Блаженного. Первая брачная ночь: мы разлепляем мои зацементированные лаком локоны, в четыре руки вынимаем шпильки и засыпаем, не вынув и половины. Это всё, что я помню об этой ночи.

Мать двух дочерей, сколько косичек я заплела за годы их школьного детства!

Я знала его назубок,
косы канон трёхголосный:
расталкивала лежебок,
плела покорные косы,

вела, вероломная мать,
отроковиц на закланье...
Позволь им подольше поспать,
министр образования!

Не позволяет. И я, утро за утром, год за годом плету косы двум девочкам. Младшая причитает, как невеста на крестьянской свадьбе, а старшая мрачно резюмирует: «Коса опять перекосилась». Однажды я посадила их спина к спине, расчесала обеих, смешала лизины золотистые и наташины чёрные пряди и заплела им одну косу на двоих. Толстая получилась коса, длинная. Сфотографировала, конечно. Хорошая получилась фотография. Сразу видно: сёстры. Не хуже той, на которой, как в сказке репка, мама заплетает косу мне, заплетающей косу младшей двоюродной сестре Таньке.

Дочери мои до сих пор не расстались с длинными, до пояса, волосами. «Мамочка, расчеши меня, заплети мне косу», – просит меня Лиза, когда ей взгрустнётся. И становится веселей. Обеим. Для закрепления эффекта переплетаем пальцы ног. Они у нас обеих длинные, музыкальные.

Но самое верное средство от грусти – попросить «Заплети мне косичку» мужа. Почему это нехитрое дело оказывается таким сложным для мужских пальцев, легко справляющихся с гораздо более сложными задачами? Заплетает, путается в трёх прядках, сдаётся, целует в макушку, говорит: «Как ты красиво седеешь! Какая ты молодец, что не красишь волосы!»

Не красила и не буду. Почему? – спрашивают парикмахеры и журналисты. Мужу нравится моя седина, – отвечаю первым. Не хочу выглядеть моложе своих стихов, – отвечаю вторым.

Лаской уняла удальца,
убедилась – дети уснули.
Влажную уборку лица
начинайте, слёзы-чистюли,
смойте без следа, без следа
шрамы, поцелуи, морщины.
Я прекрасна. Я молода.
Я могу прожить без мужчины.

Что, подружка, – вздыхаешь в горнице,
плачешь в спальне, рыдаешь в душе?
Я ведь тоже была любовницей
своего ушедшего мужа.
Губы сохли, поджилки тикали,
сердце ухало, руки никли.
Приезжал за пластинками, книгами.
Брал пластинки, меня, книги.

Платье, сидящее так хорошо,
что кажется: его можно снять
только вместе с кожей.
Чего, чего тебе надо ещё?

Любуйся на эту поступь и стать
и ступай, куда шёл, прохожий.
А платье пойдёт с подругой в кино,
потом – домой, под дождём, под зонтом,
разденется, свет не зажигая,
и повесится в шкаф. Там таких полно,
можно ходить каждый день в другом,
как в «Любовном настроении» Вонга Карвая.

Ох, не спится Спящей красавице
рядом с мирно сопящим принцем!
Чем красавица угрызается?
Что увидеть во сне боится?
Гномы, богатыри и прочие,
допрошусь ли у вас прощенья,
белоснежкины чернорабочие,
не пригодные для размноженья?

Может, поможет больной
любви постельный режим?
Дружок, полежи со мной:
подумаем, помолчим,
погладим друг друга. Вдруг
сумею сказать тебе
то слово из трёх букв:
два Л, два Ю, одно Б?

Смято. Порвано. Расколото.
Нежной битвы дезертиры
разошлись по разным комнатам
однокомнатной квартиры.
А глаза то уклоняются,
то в упор берут на мушку.
Плохо почта доставляется
на соседнюю подушку!

Я – молчания полиглот.
Ты, шумящий камыш,
не умолкаешь весь день напролёт.
Зато не хранишь,
долго-долго, пока не уснём,
гладишь меня по плечу
и даже не подозреваешь, о чём
весь день молчу.

густой весенний тихий снег
беззвучный колокольный звон
сегодня умер человек
который был в меня влюблён
блестит монеткой на ребре
летит куда-то белокрыл
тот кто однажды в декабре
букет сирени подарил

Вспоминать хорошее.
Загородный дом.
Отпираю прошлое
сломанным ключом.
Прячу отгоревшее
горе на чердак.
Говорю умершему:
ну ты и чудак!

Обменять, как шпионов, письма,
уничтожить черновики.
Дорогой адресат, не сердись, но
о тебе – не единой строки,
кроме этих. Родные тени.
Предзакатная благодать
окружать себя только теми,
кого хочешь обнять.

ласкались в четыре руки
на два голоса голосили
мечтали о доме у реки
на руках друг друга носили
ценили нежную лень
планету как ложе делили
долго и счастливо и в один день

разлюбили друг друга и забыли

Я перезвоню

Стоят за меня горою
Серёжки, Володьки, Мишки —
лирические герои
моей телефонной книжки,
лирические героини —
Алёнки, Наташки, Светки...
Душа моя, позвони мне!
Полустёршиеся цифры
давно несуществующего
номера на бумаге ветхой.

Телефонная книжка – вымирающий вид. Недолго тебе осталось, – торжествуя ухмыляется список контактов в смартфоне. У кого она есть, поднимите руки? В потёртой обложке из кожзаменителя, с пожелтевшей засаленной лесенкой алфавита?

У меня. Стивушкина. Моя куда-то затерялась (продолжай торжествовать, список контактов). С двуязычным алфавитом, в котором Щ сожительствует с игреком, Э с Зетом, а Ю и Я остаются без пары. Я подарила ему эту книжку пятнадцать лет назад. Она – история нашей жизни вместе. В ней – всё: совместно нажитые друзья, ненавистные нам обоим офисы, врачи, к которым мы ходили, держась за руки.

Открываю: неизвестный, неизвестная, смутно припоминаю, умер, лучший друг, твоя подруга, секретарша госдепа, умер, редакторша журнала, московские соседи, моя подруга, священник, аэрофлот. Буква А.

Сколько в этой книжке телефонов, которые я знаю наизусть? Которые повторяю, как молитву, когда не могу дозвониться? Не больше дюжины. По скольким номерам из этой дюжины уже некому позвонить?

С возрастом начинаешь бояться телефонных звонков. Когда звонит смерть, у телефона меняется тембр звонка. Берешь трубку – и страшное известие обжигает ладонь. «Что вы говорите! Я ничего не понимаю!» – кричит мама и швыряет трубку в лицо невидимому врагу. Я тоже не сразу понимаю, что дедушка умер.

Я редко вижу во сне умерших. Чаще – слышу. Они мне звонят. Звонил Пригов, сказал: «Имаю рай» (так и сказал – имаю). Звонил Стив: «У нас тут отлично клюёт, сейчас с Матвеичем будем жарить карпов с белыми грибами». Звонят на домашний. На мобильный – никогда. Не могут без проводов. Landline.

находим на время
теряем навсегда
и следом за всеми
уходим без следа
наследники чуда
туда где нет могил

мне папа оттуда
вчера во сне звонил

Звонили и не родившиеся. Точнее, звонила я – глубоко беременным подругам. Первый раз разговор был таким: «Это Боря?» (муж подруги). «Нет, это его сын». Нажимаю redial: «Наташка, у тебя будет мальчик». Так и вышло. А с другой подругой – и того проще: незнакомый голос на другом конце провода сказал: «Это мальчик». И вскоре Ленка родила четвёртого сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.